

Б. Э. Быховский

Кьеркегор

Серия: Мыслители прошлого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Б11

Б. Э. Быховский
Б11 Кьеркегор: Серия: Мыслители прошлого / Б. Э. Быховский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 236 с.

ISBN 978-5-458-43301-3

В книге впервые в советской историко-философской литературе дается систематический анализ философских взглядов С. Кьерксгора - предшественника экзистенциализма, философского учения, широко распространенного в современном буржуазном обществе. Автор показывает специфику субъективного идеализма Кьеркегора. В книге критически рассматриваются основные категории экзистенциализма в том виде, как они выступают у Кьерксгора; прослеживается влияние его идей на современную буржуазную философию.

ISBN 978-5-458-43301-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

прибыл из Дании Сёрен Кьеркегор. «Шеллинг начал,—пишет он 18 ноября П. И. Шпангу,— но при таком шуме и суете, свисте, стуке в окна тех, кто не смогли войти, перед столь скученной аудиторией...» «По внешности,— добавляет Кьеркегор,— Шеллинг выглядит как самый заурядный человек, у него вид какого-нибудь ротмистра...» (6, 35, 71).

Но в последующие дни аудитория заметно поредела. Интерес к лекциям спадал: «...Шеллинг оставил неудовлетворенными почти всех своих слушателей» (1, 395). Он не оправдал ожиданий. Ожидаемого триумфа не получилось. «Великая сенсация оказалась на деле одной лишь сенсацией и, как таковая, прошла бесследно» (60, 286). Гора родила мышь.

* *
*

1 августа 1840 года на престол вступил Фридрих-Вильгельм IV. Эхо июльской революции 1830 года еще не заглохло. Бури 1848 года были уже не за горами.

Вскоре исполнилось десятилетие со дня кончины Гегеля. Его кафедру занимал правогегельянский эпигон Габлер. Но не он вдохновлял молодые умы, а по-прежнему сам Гегель. «Когда же Гегель умер, его философия как раз и начала жить» (1, 396). «...Именно период с 1830 до 1840 г. был временем исключительного господства «гегельянщины»...» (2, 21, 279). Левогегельянцы, «гегелинги», стали властителями дум передовой немецкой молодежи этих лет. Оставшись верными основоположным принципам Гегеля, младогегельянцы отвергали выводы гегелевской

системы, не оправданные самими этими принципами. Средоточием их в Берлинском университете была группа «Свободных»: Штраус, Бауэр, молодой Фейербах, юноша Энгельс. В своем новом виде философия прусского государственного философа стала духовным оружием мятежных умов.

Фридрих-Вильгельм IV видел насущную идеологическую необходимость для укрепления существующего строя искоренить «драконов посев гегелевского пантеизма, ложного всезнайства и беззаконного уничтожения домашней добропорядочности для того, чтобы достигнуть научно обоснованного возрождения нации», как он писал фон Бунзену (цит. по: 83, 782). «Гегелинской банде» была объявлена война свыше. На роль святого Георгия, «который должен поразить ужасного дракона гегельянства» (1, 395), по королевскому распоряжению был приглашен из Мюнхена шестидесятишестилетний Шеллинг. В 1841 году, в том самом году, когда вышли в свет «Христианское вероучение» Штрауса, «Критика синоптиков» Бруно Бауэра, «Сущность христианства» Фейербаха, в том самом году, когда Карл Маркс защитил свою диссертацию о Демокрите и Эпикуре, Шеллинг переехал в Берлин и начал свои чтения в Берлинском университете. Ему было присвоено звание высшего правительственного тайного советника и положен оклад в 4000 талеров. Чтения Шеллингом курсов по философии мифологии и философии откровения продолжались до 1846 года, когда Шеллингу исполнился 71 год. После 1841 года аудитории № 6 для его лекций уже не требовалось. Количест-

во слушателей катастрофически уменьшилось. Миссия Георгия Победоносца им выполнена не была. Он скончался восемь лет спустя на курорте Рагац в Швейцарии.

* *
*

Послу австрийской монархии в Берлине князю Меттерниху, наверное, в голову не приходило, что вместе с ним в аудитории № 6, слушая мудрствования Шеллинга, сидит неистовый бунтарь, бежавший от российской монархии, который несколько лет спустя будет сражаться на венских баррикадах.

Михаил Иванович Бакунин с нетерпением ждал начала лекций Шеллинга. «Вы не можете вообразить себе,— писал он родным на родину 3 ноября 1841 года,— с каким нетерпением я жду лекций Шеллинга. В продолжение лета я много читал его и нашел в нем такую неизмеримую глубину жизни, творческого мышления, что уверен, что он и теперь откроет нам много глубокого. Четверг, т. е. завтра, он начинает» (14, 3, 67).

Но уже первая долгожданная, многообещающая лекция явно разочаровала двадцатисемилетнего революционера. «Я вам пишу вечером, после лекции Шеллинга,— делится он с сестрой под непосредственным впечатлением (15 ноября 1841 года).— Очень интересно, но довольно незначительно, и ничего говорящего сердцу, но пока не хочу делать никаких выводов; хочу еще послушать его без предубеждения» (14, 3, 78).

А год спустя, когда реакционное устремление и теоретическое убожество «философии

откровения» раскрылось в полной мере, Бакунин делает уже совершенно определенные выводы, характеризуя в письме к брату (7 ноября 1842 года) Шеллинга как «жалкого, заживо умершего романтика...» (14, 3, 439). Беспокойному мятежнику, обуреваемому революционными исканиями, претили теософические назидания престарелого философа, предавшего с кафедры свое прошлое.

* *
*

22 ноября 1841 года Кьеркегор записал в своем дневнике: «Я так рад, неописуемо рад, что прослушал вторую лекцию Шеллинга... Отсюда, возможно, придет прояснение... Теперь я возложил все свои надежды на Шеллинга...» (7, 148).

Увы, и его надежды не оправдались. С каждой лекцией они все больше угасали. Прослушав терпеливо тридцать шесть лекций, Кьеркегор не вытерпел до конца курса. 27 февраля 1842 года он пишет брату, что «Шеллинг болтает совершенно невыносимо... Я полагаю, что совершенно одурею, если буду продолжать слушать Шеллинга».

Оказавшись выносливее Бакунина, Кьеркегор со своих, совершенно отличных, позиций столь же решительно разочаровался в берлинском пророке. «В Берлине,— читаем мы в его дневнике,— мне, стало быть, нечего больше делать... Я слишком стар, чтобы слушать лекции, а Шеллинг также слишком стар, чтобы их читать. Все его учение о потенциях обнаруживает полную импотенцию» (7, 154).

Не солоно хлебавши Кьеркегор покидает Берлин и возвращается домой. Поездка оказалась для него совершенно бесплодной.

* *
*

Совершенно несправедливым было бы умалять, а тем более отрицать положительное значение ранних работ Шеллинга в развитии немецкой классической философии, а тем самым и во всемирно-историческом процессе философской мысли. От ближних подступов к новой исторической форме диалектики, от негативной диалектики кантовских антиномий восходящими ступенями к гегельянской вершине идеалистической диалектики были учения как Фихте, так и Шеллинга. Переход от субъективистски и волюнтаристски окрашенной диалектики Фихте к диалектике абсолютного идеализма был опосредован объективной диалектикой Шеллинга в его натурфилософии и философии тождества. «Но огонь угас, мужество исчезло, находившееся в процессе брожения виноградное сусло, не успев стать чистым вином, превратилось в кислый уксус» (1, 442). Из действующей силы в развитии философской мысли Шеллинг превратился в противодействующую этому развитию силу.

Это произошло задолго до берлинских лекций. Фридрих-Вильгельм IV имел достаточные основания ставить ставку в борьбе против прогрессивных идей на мюнхенского философа, «память о котором цветет, не увядая, в летописях немецкой мысли...» (18, 6, 134), ибо вся последующая деятельность

Шеллинга была направлена на искоренение того, что было посеяно его же руками.

С обычными для него остроумием, проникновенностью и беспощадностью Генрих Гейне рассказывал своим французским читателям о Шеллинге мюнхенского периода: «Там видел я его бродящим в виде призрака, видел его большие бесцветные глаза и унылое лицо, лишенное выражения, — жадное зрелище павшего великолепия» (18, 6, 134).

Гейне видит, однако, лишь субъективные мотивы неприязни Шеллинга к философскому учению своего бывшего друга, поднявшего диалектическую мысль на недостижимую ранее высоту. «Как сапожник говорит о другом сапожнике, обвиняя его в том, что тот украл у него кожу и сшил из нее сапоги, так, случайно встретив г-на Шеллинга, я слышал, как он говорил о Гегеле — о Гегеле, который «взял его идеи». «Это мои идеи он взял», и снова, «мои идеи» — таков был постоянный припев этого бедного человека. Поистине, если некогда сапожник Якоб Бёме говорил как философ, то философ Шеллинг говорит теперь как сапожник» (18, 6, 212).

Как все передовые мыслители того времени, Гейне не мог простить Шеллингу того, что он «предал философию ради католической религии» (18, 6, 213), подменив логическую ясность мышления туманом «мистической интуиции», непосредственного созерцания абсолюта. Гейне не принял, однако, во внимание объективной стороны дела: после того что было сделано Гегелем, не было возможным дальнейшее развитие диалектической мысли ни по линии идеализма, непреложной для не-

мецкой классической философии, ни на почве буржуазного мировоззрения, на которой эта философия произросла. Превзойти философию Гегеля можно было, лишь сойдя с этой почвы и покинув возведенный на ней идеалистический лагерь. На это Шеллинг был неспособен, предпочитая свернуть с пути рационального, логического познания. «Здесь кончается у г-на Шеллинга философия и начинается поэзия, я хочу сказать—глупость...» (18, 6, 131). Это было сказано в 1834 году. Путь Шеллинга из Мюнхена в Берлин был проложен задолго до 1841 года.

* *
*

Отступничество Шеллинга с пути немецкой классической философии было подвергнуто критике уже на первых порах самим Гегелем, в «Науке логики», осудившим измену как науке, так и логике тех, «кто, как бы выпаливая из пистолета, прямо начинает с своего внутреннего откровения, с веры, интеллектуального созерцания и т. д. и хочет отделаться от метода и логики» (17, 1, 124). В этих словах уловлена самая суть поворота, совершенного Шеллингом,— от рационализма к иррационализму, от философии к теософии.

Великой заслугой немецкой классической философии, достигшей предельного развития в диалектическом идеализме Гегеля, было создание новой, высшей исторической формы рационализма, преодолевшей метафизическую и формальнологическую ограниченность прежнего рационализма. Диалектическая логика овладела признававшимися ранее недоступными

рациональному познанию и логическому мышлению и неприемлемыми для него динамическими и противоречивыми формами бытия. Безгранично расширила она сферу логической компетенции, открыв перспективу не знающего преград безбрежного рационализма.

Для Гегеля «вера в могущество разума есть первое условие философских занятий... Скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания...» (16, 1, 16). Снова и снова повторяет Гегель это свое глубочайшее убеждение, являющееся ариадниной нитью всей его философии. Диалектическое перевооружение логики как раз и обеспечивало это могущество мысли. Гегелевская диалектика, столь изуродованная впоследствии неогегельянцами, фальсифицированная ими как выход за пределы рационального, на деле была новым историческим взлетом рационализма. Уже в «Феноменологии духа» Гегель возвестил, что то, что не является рациональным, лишено всякой истины.

«Вера Гегеля в человеческий разум и его права» (3, 2, 7) была нераздельно связана отнюдь не с выходом за пределы рационализма, а с преодолением метафизических преград на пути рационального познания. Вот почему для идеалиста Гегеля, как и для его преемников, иррационалистический крен Шеллинга был «дурным идеализмом».

Но выращенный в Мюнхене пустоцвет философии откровения полностью распустился только в Берлине, пересаженный в теплицу прусской монархии. И здесь же он встретил

бурное сопротивление всех, прошедших гегелевскую школу — как правых, так и левых гегельянцев. Уже через два месяца после начала лекций Шеллинга Кьеркегор пишет пастору Шпангу (8 января 1842 года): «Гегельянцы раздувают огонь. Шеллинг выглядит так мрачно, будто маринованный в уксусе» (6, 35, 86). Речь идет о выпадах старогегельянца Михелета против Шеллинга в предисловии к изданию второго тома гегелевской «Энциклопедии философских наук». Но в авангарде контрнаступления на философию откровения шел безызвестный еще младогегельянец по имени Фридрих Энгельс. Это было первое левогегельянское выступление против неошеллингианства.

Осенью 1841 года — как раз к лекциям Шеллинга — Энгельс прибыл в Берлин для отбывания воинской повинности. «Кстати, — писал он Арнольду Руге в ответ на предложение подвергнуть критике выступления Шеллинга, — я вовсе не доктор и не смогу им стать; я всего только купец и королевско-прусский артиллерист» (1, 513). Но отрицательное отношение Энгельса к Шеллингу было им сформулировано еще до переезда в Берлин. Уже в 1840 году в статье «Воспоминания Иммермана» Энгельс ставит риторический вопрос, задавающий самую суть поворота Шеллинга от классической философии: «Не прекращается ли всякая философия там, где согласованность мышления и эмпирии «выходит за пределы понятия»? Какая логика сможет удержаться там..?» (1, 382).

Разрыв Шеллинга с Гегелем, его антигегельянство было поворотным пунктом в исто-

рии немецкого философского идеализма и предзнаменованием аналогичного поворота всей буржуазной философии вообще. Энгельс, слушая лекции Шеллинга, еще не мог видеть этого назревшего кризиса философского идеализма, но он со всей решительностью выступил против предпринятого Шеллингом отмежевания от рационального образа мысли. Здесь пролегла пропасть между идеализмом Гегеля и Шеллинга. «Два старых друга юности, товарищи по комнате в Тюбингенской духовной семинарии, снова встречаются лицом к лицу через сорок лет как противники. Один, умерший уже десять лет тому назад, но живой более чем когда-либо в своих учениках; другой... духовно мертвый уже в течение трех десятилетий, ныне совершенно неожиданно претендует на полноту жизненной силы и требует признания» (1, 386). Суть разногласий в том, что Гегель гордился разумом (см. 1, 451), Шеллинг же ограничивает и принижает его.

Энгельс отнюдь не придерживается ортодоксального гегельянства. Он обращает внимание на то, что Гегель подвергся нападению с двух противоположных сторон — «со стороны своего предшественника Шеллинга и со стороны своего младшего преемника Фейербаха» (1, 443). Ссылаясь на Фейербаха, Энгельс не скрывает своих симпатий к атеистическому антропологии и своей нетерпимости к «схоластически-мистическому способу мышления Шеллинга» (1, 413). Однако критическое отношение к Гегелю слева, противостоящее критике Гегеля справа, еще не созрело в ту пору у Энгельса до критики философского